

ЭХО

הז

הז

תרגומי השירה הלירית לעברית מרוסית מאת אדולף גומן
Лирическая поэзия в переводе на иврит Адольфа Гомана

Далия Равинович

דליה רביקוביץ'

СТИХИ

שירים

примечания переводчика

הערות של מתורגמן

adolf.goman@gmail.com

Далия Равикович

(1936 – 2005)

Содержание

Краткая биографическая справка

Девушка с косами цвета льна

Своевольные

613 заповедей и одна

Злодейка-ладошка

Стоял на шоссе человек

Картина

Хвала покою

Голубь

Вождление

Вопросы и ответы

Холмики соли

Старание

Ещё одна попытка

Сны Тирцы

Тёплые воспоминания

Шум воды

Тяжёлая зима

Журавль

Жабы

Прятки

Бездна к бездне

Как Рахель

תוכן העניינים

על דליה רביקוביץ

הנערה בעלת צמות הפשתן
הולכי שרירות ליבם
תרי"ג מצוות ואחת
כף יד רשעה
עומד על הכביש בלילה האיש הזה
תמונה
בשבחי השלוח
היונה
חמדה
שאלות ותשובות
גבעות מלח
השתדלות
השתדלות נוספת
חלומותיה של תרצה
זכרונות חמים
שאון המים
חרף קשה
עגור
הקרפודים
מחבואים
תהום אל תהום
כמו רחל

Краткая биографическая справка

Далия Равикович родилась в 1936 году в Рамат-Гане. Рано оставшись без отца, воспитывалась в киббуце Гева, закончила гимназию в Хайфе, училась в Еврейском университете в Иерусалиме, несколько лет работала школьным учителем в старших классах.

Равикович принадлежала к группе студентов, провозгласивших в альманахе “Ликрат” (1953) манифест “Молодая поэзия”.

Первые стихи появились в альманахе “Орлогин”. Поэтические сборники Равикович: “Любовь апельсина”, (1959), “Трудная зима” (1964), “Третья книга” (1969), “Бездна зовет” (1976), “Истинная любовь” (1986).

Основные темы стихов Равикович — любовь, утрата близких, одиночество. В первых сборниках заметен уход от реальной действительности в иные миры и времена; в дальнейшем эти тенденции все более ослабевают, и связь с реальностью крепнет.

Равикович перевела на иврит ряд поэтических произведений У. Б. Йитса, Э. По, Т. С. Элиота. Равикович — автор сборников рассказов для детей: “Волшебное авто” (1959), “Рассказы о храброй компании” (1961), “Миха и пожарники” (1962), она также переводила на иврит литературу для детей.

В 1977 году Равикович была удостоена Премии имени главы правительства Л. Эшкола, в 1987 году — премии Х. Н. Бялика (совместно с М. Дором) и премии Израиля за 1999 год в области поэзии.

Во время Первой кампании в Ливане (1982) Равикович была активисткой пацифистского движения. В 1999г. Далия Равикович была удостоена национальной премии Израиля за гражданское достоинство. В 2001 году, накануне выборов, которые привели к власти Ариэля Шарона, Далия Равикович резко выступила против участия в выборах новых репатриантов, публично заявив, что им не хватает гражданской ответственности и знаний политической реалий Израиля. Это выступление поэтессы вызвало резкую критику в её адрес со стороны и "правых", и "левых" политиков. Её обвинили в расизме и отсутствии демократичности.

Первоначальные подозрения относительно самоубийства Равикович не подтвердились: врачи установили, что причиной её смерти стала внезапная остановка сердца.

Из архива

Девушка с косами цвета льна

Спустилась к ручью, по воде пишет круг,
Расходятся кольцами волны.
Мечтательный взгляд её бродит вокруг,
Она замирает безмолвно.

Мелькают в уме за мечтою мечта
И тонут в спокойном потоке.
Вдруг вспомнила что-то, и скорби черта
Прорезала лоб ей и щёки.

Поток, он как брат ей любимый, родной,
Любви той нет чище и выше.
Он гладит её и ласкает волной –
Единственный, кто её слышит. (1954)

Своевольные

Тот, кто ушёл, навсегда пропал.
Что нам до того, пусть горе ему!
И тому хорошо, кто пеплом стал,
Вернулся к себе самому.

А, если ушёл и туда попал,
Куда он, рискуя, шёл,
Значит, это место он и искал,
Всю жизнь искал и нашёл.

Всё так и было, могу повторить.
Всё к лучшему, стало быть.
Оплачут мудрые выбранный путь:
Унынье – их мудрости суть.

מן הגניזה, תשי"ד

הנערה בעלת צמות הפשתן

קָרְבָּה אֶל הַנַּחַל וְעָגָה עוֹגָה
וְרָצוּ גַלִּים לְפָנֶיהָ.
עֵינֶיהָ חוֹלְמוֹת וְטוֹבְעוֹת בְּתוֹגָה,
דְּמוּמָה תִּשְׁחַק בְּהִצָּנֵעַ.

אֶלְפֵי חֲלוּמוֹת יִחַפְּזוּ לְקַרְאָתָהּ
וְטַבְּעוּ בְּנֶהַר הָרוּגַע,
וְעָצַב גְּדוֹל הַתְּנַפֵּל בְּחֶטֶף,
שֶׁטֶף וְיִטְבַּע אֶת פָּנֶיהָ.

כָּאֵח לָהּ הַנַּחַל, טְהוֹר וְאוֹהֵב,
וְשֵׁם עֲנוּתָהּ תִּשְׁוֹחַח,
וְהוּא מְלֻטָּפָה, הַחֶלֶק וְלִטֶף,
כִּי אֵין בְּלַעֲדֵיו לָהּ שׁוֹמֵעַ.

הולכי שרירות ליבם

מִי שֶׁהֵלֵךְ - הֵלֵךְ לְמִקְוֹמוֹ.
וּמָה לָנוּ כִּי נִדְאָב לְשִׁבְרוֹ?
אֶךְ טוֹב לְאִישׁ שִׁישׁוּב לְעַפְרוֹ
וְיִדְבֵק בְּבִשְׂרוֹ וְעִצְמוֹ.

וְאַחַר שֶׁהֵלֵךְ לְמִקְוֹם תִּאָּנוּתוֹ
אֶל מְקוֹם שֶׁהִסְפִּין לְבוֹא,
הוּא הַמְקוֹם שֶׁעָלָה בְּדַעְתוֹ
כִּפִּי כָּל אֲרָחוּ וְרָבְעוּ.

וְהַכֵּל אָמַת וְקָיָם וְשָׁרִיר
וּמָה שֶׁקָּרָה - אֶתִּי שִׁפִּיר.
יִגְעוּ בְּדַבְרִים כָּל חוֹשְׁבֵי מַחְשָׁבָה
וְרַב חֲכָמָתָם - לְמַעֲצָבָה.

И, кто пропал посреди пути
(Но нашей вины нет тут),
Кто душу не смог от греха спасти, -
Господний ждёт его суд.

И, если бросил он свой народ,
Он нам не друг и не брат.
Пусть бедный с сумой по миру идёт.
Не мы, он сам виноват.

Оплачут мудрые выбранный путь:
Унынье – их мудрости суть. (1955)

Из книги "Любовь апельсина" (1959)

613 заповедей и одна

613 заповедей даны Израилю,
И семь из них – всем сынам Ноя.
Даже для мёртвых обязательна одна.

И вернулся мёртвый домой,
Рассказать сыновьям о смерти своей,
Чтобы не питали страха сыны его
Перед этим ужасным свершением.

И тот, кто поступил так,
Уже не был своим среди мёртвых.
Пойдите, поищите среди могил,
Есть ли там те, кто так сделал.

И он сидел с нами и не покидал нас
Все семь траурных дней. Ведь

וְאִם יֵשׁ אָדָם שְׂאֵבֵד בְּעֵינָיו
לֹא מִפְּנֵי חַטָּאֵינוּ אֲבָד.
וְאִשֶּׁר לֹא פָדָה נַפְשׁוֹ מֵעוֹוֹנוֹ
יִבְיֹאוּ אֱלֹהִים בְּמִשְׁפָּט.

וּמִי שֶׁפָּרַשׁ מִתּוֹךְ הַקְּהֵל
לֹא יִחַשֵׁב עִמָּנוּ בְּכָלֵל.
שְׂיִמַּק בְּעֵינָיו כְּאוֹת נַפְשׁוֹ
אָנוּ פְּטוּרִים וְדָמוֹ בְּרֹאשׁוֹ.

יִגְעוּ בַדְּבָרִים כֹּל חוֹשְׁבֵי מַחֲשָׁבָה
וְרַב חֲכָמָתָם לְמַעֲצָבָה.

"מהספר "אהבת תפוח הזהב"

תרי"ג מצוות ואחת

תרי"ג מצוות נצטוו לישראל
ושבע הן לבני נח
אף המתים חייבים באחת

וְהָאִישׁ הַמֵּת שָׁב לְבֵיתוֹ
לְסַפֵּר לְבָנָיו עַל מוֹתוֹ
לְבַל יִחַרְדּוּ בָנָיו לְמִשְׁמַע
הַדְּבָר הַנּוֹרָא הַזֶּה.

וְלֹא הִיָּה עוֹד בֵּין הַמֵּתִים
מִי שֶׁעָשָׂה כְּזֹאת.
צְאוּ וִירְאוּ בְּקִבְרוֹת הַמֵּתִים
אִם יֵשׁ מִי שֶׁעָשָׂה כְּזֹאת.

וְהוּא יֵשֵׁב עִמָּנוּ וְלֹא מָשׁ
כֹּל שִׁבְעַת יְמֵי אֲבֵלוֹת.

Как расстанется с нами и упокоится,
Оставив нас в горе одних?

Он рассказывал о смерти своей
Подробно, всё что он знал,
Ибо думал, что это, возможно,
Станет для нас утешением.

И, хотя подобает ему вечный покой,
Он вернётся, если будем нуждаться в нём,
И не пройдёт мимо нас,
Не обращая внимания на наши несчастья,
И разделит с нами поровну
Самое страшное горе.

Семь дней и года без счёта,
Каждый раз, когда почувствуем в нём нужду,
Каждый раз, когда осилит нас печаль,
Он непременно придёт на помощь.

Злодейка-ладошка

Струйки дыма тянулись наискось,
А отец мой бил меня.
Все вокруг смеялись, глядя на это.
Всё, что рассказываю, именно так и было.

Струйки дыма тянулись наискось,
Отец бил меня по ладони
И приговаривал: "Ладошка – злодейка!"
Всё, что рассказываю, именно так и было.

Струйки дыма тянулись наискось...
Отец давно не бьёт меня,

כִּי אֵיךְ יִבְדֵּל מֵאַתְּנוּ לַמְנוּחָה
וְאַנְחוּנוּ לְבֶד בְּצַעֲרָה?

וְהוּא סִפֵּר אֶת דְּבַר מוֹתוֹ
בְּאֵר דְּבַר עַל בּוֹרְיוֹ.
כִּי זֹאת עֲלִיתָה בְּמַחְשַׁבְתּוֹ
שָׁמָּה בְּזֹאת נִנְחָם.

וְאַף אִם לוֹ יֵאָתֶה הַמְנוּחָה
הוּא יָשׁוּב אִם נִפְגִּיעַ בּוֹ
וְעַל פְּנֵינוּ לֹא יַעֲבֵר
וְעַל מַדּוּיָנוּ לֹא יִתְעַלֵּם
חֶלֶק כְּחֶלֶק יִשָּׂא עִמָּנוּ
בְּדַבַּר הַנּוֹרָא הַזֶּה.

שְׁבָעָה יָמִים וְשָׁנִים אֵין-מִסְפָּר
בְּכָל עֵת שְׁיִבּוֹא רְצוֹן מִלְּפָנֵינוּ
כָּל אֵימַת שְׁהַצֵּעַר יִגְבֵּר עָלֵינוּ
עֲזָב יַעֲזֹב עִמָּנוּ.

כף יד רשעה

קוֹיִם שֶׁל עֵשֶׂן נָטוּ בַּמִּלְכָּסָן
וְאַבָּא שְׁלִי הִכָּה אוֹתִי.
כָּל הָעוֹמְדִים צָחֲקוּ לַמְרָאָה,
מֵה שֶׁסִּפַּרְתִּי אָמַת וַיִּצִיב.

קוֹיִם שֶׁל עֵשֶׂן נָטוּ בַּמִּלְכָּסָן
אָבָא הִכָּה עַל כַּף יָדִי.
הוּא אָמַר שֶׁהִיא כַּף יַד רְשָׁעָה.
מֵה שֶׁסִּפַּרְתִּי אָמַת וַיִּצִיב.

קוֹיִם שֶׁל עֵשֶׂן נָטוּ בַּמִּלְכָּסָן
אָבָא חָדַל מֵהִכּוֹת אוֹתִי.

Рука-злодейка отрастила пальцы,
И всё, что она делала, могу подтвердить.

Струйки дыма тянулись наискось...
Страх лижет злодейку-ладонь.
Отец давно не бьёт меня,
Но страх остался, могу подтвердить.

Стоял на шоссе человек

Ночью стоит на шоссе человек,
Который когда-то был мне отцом.
Я должна подойти туда, где он стоит,
Потому что я – его старшая дочь.

И ночь за ночью он стоит там один,
И я должна спуститься и подойти к нему.
Я хочу спросить его, как долго я ещё буду должна,
И знаю наперёд, что всегда.

Место, где он стоит опасно сейчас,
Как когда он шёл по шоссе и был сбит машиной.
Я узнала его и стала делать знаки:
Вот тот человек был когда-то моим отцом.

Он не говорит мне ни слова любви,
Хотя он был когда-то моим отцом,
И я была его старшей дочерью.
Но он не может сказать мне ни слова любви.

Картина

Зелёные барашки роц с холмов спускались, как стада,

הַיָּד הַרְשָׁעָה צְמָחָה אֶצְבָּעוֹת
וְכָל מַעֲשֵׂהָ שְׁרִיר וְקָיִם.

קָוִים שֶׁל עֵשֶׂן נָטוּ בַּמִּלְכָּסָן
פָּחַד לוֹחֵף אֶת הַכַּף הַרְשָׁעָה
אָבָא חָדַל מֵהַכּוֹת אוֹתִי.
אֶף הַפָּחַד הַזֶּה שְׁרִיר וְקָיִם.

* * *

עוֹמֵד עַל הַכְּבִישׁ בְּלִילָה הָאִישׁ הַזֶּה
שָׁהִיָּה בְּשִׁכְבָּר הַיָּמִים אָבָא שְׁלִי.
וְחִיבָת אֲנִי לַגִּשָׁת אֵלָיו לְמָקוֹם עִמָּדוֹ
מִפְּנֵי שָׂאֲנִי הַיִּיתִי הַבַּת הַבְּכוֹרָה שְׁלוֹ.

וּבְכָל לַיְלָה וְלִיל הוּא עוֹמֵד לְבַדוֹ בַּמָּקוֹמוֹ
וְאֲנִי חִיבָת לָרֹד לְמָקוֹמוֹ וְלִבּוֹא.
וְרָצִיתִי לְשַׁאֵל אֶת הָאִישׁ עַד מַתִּי חִיבָת אֲנִי.
וְיַדְעֵתִי זֹאת מֵרֹאשׁ שְׁתַּמִּיד חִיבָת אֲנִי.

בַּמָּקוֹם שֶׁהוּא עוֹמֵד יִשְׁנֵנו חֲשַׁשׁ סָכָנָה
כְּבִיּוֹם שֶׁהִלֵּךְ בְּכְבִישׁ וְדָרְסָה אוֹתוֹ מְכוֹנִית.
וְכִּי הַכְּרַתִּי אוֹתוֹ וְנָתַתִּי בּוֹ סִמְנִים
שֶׁזֶה הָאִישׁ עֲצָמוֹ הִיָּה פַעַם אָבָא שְׁלִי.

וְהוּא אֵינוֹ מְדַבֵּר לִי מִלַּת אֶהְבָּה אַחַת
לְמִרְוֹת שָׁהִיָּה בְּשִׁכְבָּר הַיָּמִים אָבָא שְׁלִי
וְלְמִרְוֹת שָׂאֲנִי הַיִּיתִי הַבַּת הַבְּכוֹרָה שְׁלוֹ
הוּא אֵינוֹ יְכוֹל לְדַבֵּר לִי מִלַּת אֶהְבָּה אַחַת.

תמונה

חֹרְשׁוֹת הַכְּבָשִׁים הַיִּקְקִים גָּלְשׁוּ בַּמִּוֹרְדוֹת

Внизу дышало и синело в лучах солнца море,
Речными лилиями расцветали в небе облака,
И девочками были мы тогда.

И были у одной из нас глаза любви полны,
Ей все завидовали ... А потом забыли.
Ещё была там стройная, светловолосая. Она
Могла на всё ответить, что мы были знать должны.

Нередко уходила я под солнцем в тишину полей.
Любила облака, рассказывала им истории свои.
И было много времени, чтоб размышлять в печали
С начала серой осени до лета жёлтого последних дней.

Песня на музыку Йегудит Равиц в её исполнении
<https://www.youtube.com/watch?v=str8AZmX7A8>

Хвала покою

Ещё найду я, может быть,
То, чего так ждала душа:
Найду покой и, не спеша,
Мир полной чашей буду пить.

Пройдут, промчатся дни мои.
То, что душе всего больней,
Забуду: злобу, гнев людей –
Яд скорпиона и змеи.

И, если Бог даст силы мне,
Просторный дом построю я.
Лишь то, что нужно, будет тут.

Он весь утонет в тишине.

וְהִים לְמַטָּה שֶׁכָּשָׁה וְהִכְחִיל מִן הַשֶּׁמֶשׁ.
בְּשָׁמַיִם פָּרְחוּ עֲנָנִים כְּמוֹ שׁוֹשַׁנֵּי נָהָר
וְאֲנַחְנוּ הָיִינוּ עוֹד יְלָדוֹת.

וְהִיְתָה בְּנוֹ אַחַת שֶׁהָיוּ לָהּ עֵינַיִם אֲהוּבוֹת
וְקָנְאוּ בָּהּ כָּלֵנוּ עַד שֶׁשָׁכַחְנוּ,
וְהִיְתָה בְּנוֹ אַחַת בְּהִירָה וְזִקְוֶפֶת קוֹמָה
שֶׁהָיוּ שׂוֹאֲלִים בְּכֶתֶה וְיָדְעָה לְהַשִּׁיב תְּשׁוּבוֹת.

וְהִיְתִי יוֹצֵאת בְּשֶׁמֶשׁ אֶל הַשָּׂדֶה הַקְּרוֹב
וְאוֹהֶבֶת אֶת הָעֲנָנִים וְהוֹגָה בָּהֶם סְפוּרִים
וְהִיְתָה לִי שְׁהוּת רַבָּה לְהִרְהַר בְּצַעַר
מְרֵאשִׁית הַסֶּתֶם הָאֶפֶס וְעַד סוֹף הַקִּיץ הַצָּהָב.

בְּשִׁבְחֵי הַשְּׁלוֹהַ

בְּעוֹד יָמִים מְאֹד רַבִּים
אֲמַצָּא אֶת שְׁבִקְשָׁה נְפֹשִׁי.
אֲמַצָּא לִי אֶת שְׁלוֹת נְפֹשִׁי
אֲמַשֵּׁךְ שְׁלוֹהַ תְּשַׁעָה קִבְיִן.

וּבְעוֹד יָמִים מְאֹד רַבִּים
אֲרַחֵק מִתּוֹעֶבֶת נְפֹשִׁי.
אֲרַחֵק מִכַּעַשׂ אֲנָשִׁים
חֲמַת פְּתָנִים וְעַקְרָבִים.

וּבֵית מִדּוֹת לִי יִבְנֶה
אִם כֹּה יִתֵּן לִי אֱלֹהִים
וְאִין יִתֵּר בּוֹ וְחָסֵר.

בּוֹ אִין קוֹרָא אַף אִין עוֹנֶה

А птицы, крыльями шумя,
Почёт жилищу воздадут.

ועוף כנף עליו יהים
ועוף כנף כבודו שער.

Голубь

היונה

Белый голубь родился неизвестно когда.
Ай да мил-голубок!
Он подрос, оперился, улетел из гнезда.
Где ж ты, мил-голубок?

היה היתה יונה לבנה.
אהבו-נא זאת היונה.
עשתה לה אברה ותעף מקנה.
אהבו-נא זאת היונה.

На ворон атамана впопыхах налетел.
Ай да мил-голубок!
Выходя из тумана, волчью стаю задел.
Где ж ты, мил-голубок?

פגעה היא בדרך במלך עורבים.
אהבו-נא זאת היונה.
פגעה בדרך בעדת זאבים.
אהבו-נא זאת היונה.

Сразу недругов тучи, а друзей не найдёшь.
Ай да мил-голубок!
На него клювы точат: больно бел и хорош!
Где ж ты, мил-голубок?

ותרא אויבים לה שבעים ושבעה.
אהבו-נא זאת היונה.
הכוח עופות ויקנאו בה קנאה.
אהבו-נא זאת היונה.

Перья снегом сверкали, пока жив был и цел.
Ай да мил-голубок!
Крылья сказкою стали, а пух улетел.
Где ж ты, мил-голубок?

צחורה היא היתה עד ליום הטרפה.
אהבו-נא זאת היונה.
ותהי למשל בעינה וכנפה.
אהבו-נא זאת היונה.

Вождление

חמדה

Я такого, как там, не знала ещё вождленья.
Это было в субботу, седьмой день недели был.
Ветви, листья – всё вверх устремилось, придя в смятенье.

שם ידעתי חמדה שלא היתה כמוה,
והזמן ההוא היה יום השביעי בשבת
וכל בדי אילנות היו מתעצמים לגבה.

Разливался, сияя, свет, как река в наводнении.
Глаза шар, желаньем горя, солнечный шар ловил.

והאור הלק מסביב שוטף כנהר לגבע,
וגלגל העין את גלגל החמה חמד.

Я такого, как там, не знала ещё вожделенья.

Свет в верхушках кустов дрожащих не знал утоленья,
Разливался по водам, искрами рябь дробил.
Голова моя для него - апельсин, объеденье!

Жёлтых лилий рты распахнулись и ждут угощенья:
Стебелёк травинки по ряби искристой плыл.
Это было в субботу, седьмой день недели был.
Ветви, листья – всё вверх стремится страстно в смятенье.
И была небывалым охвачена я вожделеньем.

Из книги "Тяжёлая зима" (1964)

Вопросы и ответы

"И когда закончится молодость наша..." – начала я.
"И когда закончится молодость наша..." – повторили они. –
Чем она отличается от всего, что было
И что уже уплыло в моря старости?
Если кончится молодость наша, что с того?"

"Когда закончится молодость наша..." – сказала я...
"Когда закончится молодость наша, - разгневалась я, -
Появятся в море чудища,
Наступит на земле засуха
И уже не будет наша молодость той, что раньше".

"Когда закончится молодость наша... – насмеялись надо мной. -
Как полёт осы промелькнёт наша молодость,
Как цветение бледных лилий,
Что помогали красоте и любви.
Ещё в наши дни кончится наша молодость".

אז ידעתי חמדה שלא היתה כמוה.

הזהירו ראשי השיחים והאור לא ידע שבע,
נתך בגלי הנהר ובכל אדוותיו נצת,
אף ראשי הים בעיניו כתפוח זהב לבלע.

שושני נהר צהבות פערו את פיהן לבלע
את אדוות הנהר בחפזן וגבעול העשב השט,
ואותו היום היה יום השביעי בשבת
וכל בדי אילנות מתעצמים בתשווקה לגבה
ואז ידעתי חמדה שלא היתה כמוה.

מן הספר חורף קשה

שאלות ותשובות

כאשר יתמו נעורינו, שאלתי.
כאשר יתמו נעורינו, השיבו,
הרי הם ככל האורים והתמים
רבים ככר הפליגו לימות הזקנה,
אם יתמו נעורינו, אז מה, שאלו.

כאשר יתמו נעורינו, אמרתי,
כאשר יתמו נעורינו, התקצפתי,
יפיעו בים מפלצות משנות
ובארץ אז תהיה בצרת,
נעים יהיו נעורינו שיתמו.

כאשר יתמו נעורינו, התקלסו בי,
כמעוף הצרעה יתמו נעורינו,
מעין פריחת שושנים אפילות
שהועילו לנוי ולא הבה
עוד בימינו יתמו נעורינו.

"Когда закончится молодость наша?" – спрашиваю я.
"Если закончится молодость наша, – отвечу я сама себе, -
Воды тёплые Средиземного моря
Испарятся, и высохнет оно, если кончится наша молодость,
И выйдут крокодилы из глубин океанских".

Холмики соли

Морская пена трепетала, как крылья птиц.
Два холмика соли лежали на берегу.
Море, отступая, оставляло бесчисленные озёра.
Лодки, размером с мизинец,
Цветом походили на пузырьки мыла.

Мы вдвоём сидели каждый на своих озёрах.
Между нами две полоски берега
И множество морской травы.
Кусты тяжёлых водорослей двигались вперёд и назад,
Обхватывая две скалы с присвистом дикой страсти.

Большой клочок морской травы оторвался и упал к моим ногам.
Веки были тяжелы от света.
Море вздымалось и скользило от озера к озеру,
И над каждой голубой струйкой разворачивалась сияющая завеса.

Двумя руками мы плескались в озёрах.
Между полосками берега было не больше двух локтей.
В этот день мы ни на волос не приблизились друг к другу.
Тела наши – два холмика соли, ноги – морская трава.

Старание

Помни, ты обещал прийти ко мне в праздник,
Через час после того, как стемнеет.

כְּאִשֶּׁר יִתְמּוּ נְעוּרֵינוּ, שְׂאֵלְתִי,
אִם יִתְמּוּ נְעוּרֵינוּ, אֲשִׁיב גַּם אֲנִי,
מִיָּמֵינוּ הַחַמִּים שֶׁל הַיָּם הַתִּיכוֹן
יִבָּשׁוּ כְּאֵד אִם יִתְמּוּ נְעוּרֵינוּ,
וְיִמֵּי הָאוּקְיָנוֹס יִבְעוּ תַנְיָנִים.

גבעות מלח

קֶצֶף הַיָּם פָּרַפַּר כְּכַנְפֵי צְפָרִים,
וְשֵׁתֵי גְבְעוֹת שֶׁל מֶלַח נֹתְרוּ עַל הַחוֹף,
וְהַיָּם כָּלוּ הִיא אֲגָמִים-אֲגָמִים,
וְסִירוֹת שֶׁגִּדְלָן כְּזֶרֶת
וְצָבָעַן כְּבוֹעוֹת סֹבֵאן.

וְשָׁנֵינוּ יִשְׁבְּנוּ אִישׁ עַל אֲגָמִין,
שֵׁתֵי רְצוּעוֹת חוֹף הָיוּ בֵּינֵינוּ
וְשִׁפְעַת עֶשֶׂב יָם.
וְשִׁיחֵי הָאֲצוֹת הַכְּבָדִים נָעוּ הַלוֹךְ וְשׁוֹב,
חוֹבְקִים אֶת שְׁנֵי הַסְּלָעִים בְּשִׁרְיָקַת תַּאֲוָה פְּרוּעָה.

וְעֵתְרַת עֶשֶׂב יָם נִתְקָה וְנִפְלָה לְרַגְלִי,
וְשִׁמּוּרוֹת עֵינַי הָיוּ כְּבָדוֹת מִן הָאוֹר.
וְהַיָּם עָלָה וְגָלַשׁ מֵאֲגָם לְאֲגָם,
וְעַל כָּל זֶרְמִיּוֹ הַכְּחָלִים נִפְרַשׁ וְיִלוֹן שֶׁל בְּהֵק.

וּבְשֵׁתֵי כַפּוֹת יָדֵינוּ הָיוּ רוֹחְשִׁים אֲגָמִים,
וּבֵין רְצוּעוֹת הַחוֹף הִיא מְרוֹחֵק שֵׁתֵי זְרוּעוֹת,
וּבִיּוֹם הַהוּא לֹא קָרַבְנוּ אֶף כְּחוּט הַשַּׁעֲרָה,
גּוֹפֵינוּ כְּשֵׁתֵי גְבְעוֹת מֶלַח וְרַגְלֵינוּ כְּעֶשֶׂב יָם.

השתדלות

תִּזְכֹּר שֶׁהִבְטַחְתָּ לְבוֹא אֵלַי בְּחָג
שָׁעָה אַחֲרֵי שִׁיחֲשִׁיךְ.

Я в разных местах разложила долги,
Может, захочешь забрать их?
Ты ведь придёшь, когда будет темно,
И не будут следить за тобой.
Раз придёшь, когда будет темно,
Я присмотрю за тобой.

Трудно понять: ведь я затопила,
А в доме холодно так.
Мне кажется, стены от боли сейчас
Внутри штукатурки дрожат,
А мы сами пытаемся всё отложить
Со дня на день, до скончания дней.
Пытаемся обмануть и вести себя так,
Будто мы дети богов.

Помни, ты обещал прийти ко мне в праздник,
Через час после того, как стемнеет.
А я не буду вспоминать об обидах
И тревогах, пока не придёшь.
Не верь словам моим –
Необычным и непонятным:
Я сплю, как все люди,
И ворожить не пытаюсь.
Я заранее поступаю с уважением,
Я не похожа на дочь богов.
Помни когда и где.

Ещё одна попытка

Если бы могла я заполучить тебя всего...
Я хочу заполучить тебя всего,
Даже больше, чем любимых божков,
Чем самые красивые высеченные горы,

הנחת חובות במקומות אחדים
ואולי תרצה לסלקם?
כיון שתבוא לאחר השכה
לא ישגיחו בך.
כיון שתבוא לאחר השכה
אני אשגיח בך.

קשה להבין מדוע הבית
מסק ואיננו חם.
נדמה לי כאלו קירות הבית
מתפתלים מכאב בתוך הסיד,
ואנחנו עצמנו דוחים הכל
מיזם ליום ועד קץ הימים,
הרי זו תרמית שנגהג כאלו
היינו בני אלים.

תזכר שהבטחת לבוא אלי בחג
שעה אחרי שיחשיך,
אני מצדי לא אקפיד על עולות
או רגזות עד שתבוא.
אל תאמין אף לדברי
כשהם נלוזים או מפלאים,
אני ישנה ככל האדם
ואינני עוסקת בכשוף.
אני מותרת מראש על כבודים
ואינני דומה לבנות האלים.
תזכר מתי והיכן.

השתדלות נוספת

אלו יכלתי להשיג אותך כלך
איה אפשר לי להשיג אותך כלך,
אפלו יותר מן הפסילים האהובים
יותר מן ההרים החצובים ביותר;

Чем шахты
Горючего угля
(Можно сказать, потухшего),
Чем пар горящего, как печь, дня.

Если бы могла я заполучить тебя навсегда...
Как можно заполучить тебя у всех лет,
Как можно удлинить одну руку,
Словно один рукав африканской реки,
Как можно увидеть во сне залив бурь
И тонущее в нём судно
Так, как представляют себе облака в виде простынь –
Лилии облаков как ложе для тела...
Но они не унесут тебя туда, куда ты хочешь.
Не думай, что унесут.

Если бы могла я заполучить тебя целиком,
Если бы могла я заполучить тебя, как металл,
Ну, скажем, как столбы из меди,
Ну, скажем, как столб из меди высшей пробы
(Я помню такой с прошлого лета)...
И дно моря, которое я не видела,
И дно моря, которое я вижу,
Под тяжестью тысяч воздушных гнёздышек,
Тысячи и одного тяжёлого вздоха.

Если бы могла я заполучить тебя целиком сейчас...
Как можно сделать, чтобы ты был мне как я сама.

Сны Тирцы

Расскажи ему сейчас
Всё о любви моей,
За два часа до зари

יותר ממכרות
הפחם הבוער,
נאמר מכרות הפחם הכבוי
והכל היום הבוער כתנור.

לו אפשר להשיג אותך לכל השנים
איה אפשר להשיג אותך מכל השנים,
איה אפשר להאריך את הזרוע האחת
כפולג אחד של נהר באפריקה,
כראות בחלום את מפרץ הסערות
כראות בחלום אניה שטבעה,
כשם שמדמים עננים כיצוע
שושני עננים כיצוע לגוף,
אך ברצותך הם לא ישאוך
אל תאמן כי ישאוך.

לו אפשר להשיג אותך כלך-שבכלך
לו אפשר להשיג אותך כמו המתכת,
נאמר כמו עמודים של נחשת,
נאמר כמו עמוד נחשת סגלה
(העמוד שזכרתי בקיץ שעבר);
וקרקע הים שלא ראיתי
וקרקע הים שאני רואה
בעמס של אלף סבכי-אזיר
אלף ומאה נשימות כבדות.

לו אפשר להשיג אותך כלך-שבבעשן
איה אפשר שתהיה לי כמו אני עצמי.

חלומותיה של תרצה

ספר לו עכשו
את כל אהבתי,
שעתים לפני שחר

Расскажи ему всё.
Не трать время на пожелания,
Рассказывай ему до зари
О любви моей.

Я видела дом с флюгерами,
Сад, полный деревьев.
Любовь моя бушевала в их кронах,
Любовь моя была в каждом дереве.

Спутай все сны его,
Говори ему только о любви моей.
Не трать время попусту:
Большинство слов ничего не значат.
Влей в него утром волшебное зелье,
Чтобы проснулся не таким, как другие;
Говори ему только о любви моей,
Пока не спутаются все сны его.
Не трать время на учтивые речи
За два часа до зари.

Приведи его в сад,
Приведи его к лавровым кустам,
Чтобы, напоённый волшебным зельем,
Мечтал только о любви моей.

Любимый мой, любимый мой,
Не могла я высказать
Всю любовь мою.

Тёплые воспоминания

Представь себе, только пыль провожала меня,
И не было провожатых других.

ספר לו הכל.
אל תבטל זמןך לאחולים,
ספר לו עד שחר
את אהבתי.

ראיתי בית עם שבשבות,
ראיתי גן מלא אמירים,
אהבתי טרפה אותם,
אהבתי בכל העצים.

בלבל עליו את חלומותיו,
ספר לו רק את אהבתי,
אל תאבד זמןך לבטלה,
רב המלים אין בן ממש.
נסך לו שקוי בשעה שיקיץ
לא כאחד האדם יקיץ;
ספר לו רק את אהבתי
עד אם לעו חלומותיו,
אל תבטל זמןך לנמוסים
שתי שעות בטרום שחר.

הבא אותו אל החצר,
הבא אותו אל הדפנים,
כנסוך שקוי יבוא יחלם
את כל אהבתי יחלם.

אהובי שלי,
את כל אהבתי
לא יכלתי לספר.

זכרונות חמים

תאר לך: רק האבק לנה אותי
ולא הנה לי מלנה אחר.

Она шла со мной в детский сад
И ворошила мои волосы
В самые тёплые дни моего детства.

Представь себе, кто провожал меня,
А у каждой из моих подруг был кто-то другой.
Зимой, в ужасных туманах
А облака терзают свою добычу...
Представь себе, кто провожал меня,
И как мне хотелось провожатого другого.

Шуршали сухие плоды деревьев, и на какое-то время
Мне страстно захотелось остаться наедине с ветром.
Много ночей я грезила
О других домах, влажных от любви.
Представь себе, насколько была я обделена,
Если это был мой единственный провожатый.

В дни душного зноя я уплывала далеко,
До столицы китов.
Я была совершенно необузданной, счастливой.
Не хотела возвращаться, пока хватало сил.

Но по возвращении становилась воронёнком,
Которого клевали сородичи-вороны.
И не было у меня провожатых,
И только пыль провожала меня.

Шум воды

Птица кричала, как сумасшедшая,
Сколько было сил,
Потом заплакала;
Я погрузилась в облако блаженства.

הוא הלך אתי לגן הילדים
והיה מסכסך את שערוני
בימי ילדותי החמים ביותר.

תאר לך מיהו שלזה אותי,
ולכל חברותי היה אחר.
בחרף, בפרס ערסלים אימים,
והעננים טורפים את צידם,
תאר לך מיהו שלזה אותי
ועד כמה רציתי מלזה אחר.

זרעוני העצים שקשקו, ולשעה
נתאיתי לשכן ביחידות עם הרוח.
לילות רבים הייתי הוזה
על בתים אחרים, רטבים מאהבה.
תאר לך כמה הייתי מקפחת
שזה המלזה היחיד שלי.

בימות החמסין הייתי מפליגה
עד עיר בירתם של הלוניתנים.
הייתי מלאה הפקרות מאשרת.
לא רציתי לשוב כל עוד בי רוחי,

אולם בשובי הייתי פעורב
שנקטו בו קרוביו העורבים,
ולא היה לי שום מלזה,
ורק האבק לזה אותי.

שאון המים

צפור ציצה כמשגעת
עד אפס כחה
ואחר בכתה;
אני שקעתי בענן של נעם.

Погрузилась
И растаяла.
Нет, я была погружена в океан.
Там он любил меня,
Не оставив от меня даже ноготка.
Рука его держала меня за волосы.
Я думала, что разрушусь
От ударов океанских волн.
Рука его вытягивала меня за волосы
Из валов океана.
И больше ничего не вспомню.

Тяжёлая зима

Деревце шелковицы плясало в пламени
И, прежде чем великолепие его исчезло, окуталось грустью.
Дождь и солнце, усиливаясь, сменяли друг друга, а в доме
Мы боялись и думать о том, что нас ждёт.
Кусты начинали краснеть с середины, пруд скрылся из глаз.
И каждый из нас думал лишь о своём.
Но в мгновенье рассеянности мыслей
Я увидела, как обрубаются связи людей с миром,
Подобно удару молнии в дерево, отягчённое плотью ветвей и
кроны:
Мокрые ветви их попирались, как сухая трава.
Ставни были сломаны да и стены тонки;
Дождь и солнце проникали через них, сменяя друг друга,
Будто на железном велосипеде.
И тела растений вслушивались тоже только в самих себя.
Не верилось, что ещё можно остаться в живых в этот раз.

אָנִי שָׁקַעְתִּי
וְאָנִי נִמְוָגוֹתִי.
לֹא, כִּי אֶל הָאוּקְיָנוֹס טַבַּעְתִּי
שָׁם אָהַב אוֹתִי אִישׁ
לֹא הוֹתִיר לִי צַפָּרָן.
יָדוֹ אָחֲזָה בְּשַׁעְרוֹתַי,
בְּהִלְמוֹת הָאוּקְיָנוֹס
חֲשַׁבְתִּי הַשָּׁבֵר.
יָדוֹ מְשַׁכָּה בְּשַׁעְרוֹתַי
בְּנִחְלֵי הָאוּקְיָנוֹס
שׁוֹב מְאוּם לֹא אֶזְכֵּר.

חַרְף קָשָׁה

הַתּוֹת הַקָּטָן פָּזַז בְּתוֹךְ הַשְּׁלֵהֶבֶת
וּבְטָרֵם פְּנֵה הוֹדוּ נִתְעַטֵּף עִגְמוּמִית.
גָּשֶׁם וְשֶׁמֶשׁ גָּבְרוּ חֲלִיפוֹת, וּבְתוֹךְ הַבַּיִת
פּוֹחֲדִים הֵיינוּ לַחֲשֵׁב מֵהַ יְבוֹא עָלֵינוּ.
הַשִּׁיחִים הָאֲדִימוּ מִלְּבָבם וְהַבְּרָכָה נִחְבָּאָה,
כָּל אֶחָד נִתֵּן דַּעְתוֹ לְנִפְשׁוֹ בְּלִבָּד.
אוֹלָם בְּרָגַע אֶחָד שָׁהִיתָה דַּעְתִּי פְּזוּרָה
רְאִיתִי אִיךָ אֲנָשִׁים נִכְרָתִים מִן הָעוֹלָם –
כְּמַכַּת בָּרֶק בְּאֵילָן, עִמוּס אִיבְרִים וְרִקְמָה,
הָיוּ עֲנֻפֵיהֶם הִרְטוּבִים לְמַרְמָס כְּעֶשֶׂב הַמֵּת.
הַתְּרִיס הָיָה פָּגוּם וְאַף הַקִּירוֹת דִּקִּים,
וְגָשֶׁם וְשֶׁמֶשׁ עָבְרוּ חֲלִיפוֹת
בְּאוֹפְנֵי הַבְּרָזָל.
כָּל גּוֹפֵי הַצְּמָחִים הִקְשִׁיבוּ לְנִפְשָׁם בְּלִבָּד.
לֹא הָאֲמִנְתִּי שְׁעוֹד אֲשָׁאֵר בְּחַיִּים הַפַּעַם.

Журавль

Завтра я приду к нему до срока;
Умники сморщатся, как тыквы,
Докучливые будут отхлестаны по губам.
С этого начнётся утро.

Я так хочу появиться перед ним завтра:
Сны мои будут источать тоску.
Они потеряют свои шипы
И не рассеются, как в обычное время.

Может, он будет стоять близко ко мне.
Тогда смогу перьями вырасти на нём
И сверкать, как оперенье павлина.

Он – побивший все рекорды,
Он – опустошивший меня своей любовью,
Он – неуловимый, как птица.

Из "Третьей книги" (1969)

Жабы¹

Лее Гольдберг

Небо снова всё в звёздах – пучина без дна,
И понять не составит труда этой ночью,
Как огромна печаль поколений.
В мелком пруду среди самцов-жаб одна
Тихо жёлтая лилия притаилась.

עגור

אני אקדים לבוא אליו מחר;
המתחכמים יבלו כפקועות,
הטרדנים יכו על שפתיהם
וכך יהיה הבקר בתחלה.

וכך אני רוצה לבוא אליו מחר
חלומותי יטפו געגועים,
חלומותי יאבדו את החוחים
ולא יפוגו בשעה הרגילה.

אולי הוא יעמד לי בסמוך.
אוכל לפרח מעליו כמו נוצות,
אוכל לזרח כמו נוצת טוס.

זהו שנפץ את השיאים שבטבלה,
זהו ששדף אותי באהבה,
זהו שפמו עוף אינו נצוד.

מתוך "הספר השלישי"

הקרפודים

ללאה גולדברג

השמים הם שוב מצלת כוכבים
והלילה הזה נקל לזהות
כמה גדול הוא יגון הדורות.
בבריכה קטנה, בתוך קהל קרפודים
ישנה שושנה נסתרת.

¹ Возможно, намёк на участие Леи Гольдберг в созданной Авраамом Шлёнским группе "Вместе", где коллеги-мужчины с некоторым пренебрежением относились к её творчеству, внешне простому по форме и личному по тематике, что противоречило их собственным устремлениям

И неслыханно храбрая сердцем, она
Пруд свой поменять на другой не желает.
Этой ночью понять не составит труда,
Кто тут женщин насиловать стал
И рты им рукой зажимает.

Небо снова всё в звёздах – пучина без дна,
Бороздят её полосы золотые,
И не Прометей – грек-рыбак восемь лет
Здесь остаётся,
Прикованный к скалам.
Летом жаркие ветры дают ему силы,
Но зимою мороз его кожу терзает.
Восемь лет длится плен. Грек уже облысел,
Его череп стал гладким, похожим на скалы,
И утратило зрение ясность былую.
Я, не выдержав, вскрикнула от удивленья.
Разгораются звёзды в небесной пучине.
Этой ночью услышим мы грозный их голос.

Как и жёлтой чудесной лилии этой,
Многим в жизни пруда не достигнуть другого,
А жабы слепые, конечно, не видят,
Как трепещут сердца наши бедные в страхе.

Из книги "Пропасть зовёт" (1976)

Прятки

Есть вещи, которые помню,
А есть, что забылось.
Прошло цветущее детство,
А я осталась.
Пичужка-нектарница

רק בשל אִמְץ לְבָהּ הַמְּפֹלָא
אִינָה מְחַפֵּשֶׁת בְּרִיכָה אַחֲרֵת.
הַלִּילָה הַזֶּה נִקְל לְזָהוּת
מִיְהוּ הָאִישׁ הָאוֹנֵס נָשִׁים
וְאוֹטֵם אֶת פִּיהֶן בְּכַף יָדוֹ.

הַשָּׁמַיִם הֵם שׁוֹב מְצֵלֵת כּוֹכָבִים
וּפְסִי הַזֶּהָב חוֹרְשִׁים עַל פְּנֵיהָ.
בְּמִקּוֹם פְּרוֹמְתִיאֹוס, אֲסוּר אֶל הַסֵּלַע
זֶה שְׁמוֹנָה שָׁנִים
דִּיג יוֹנִי.
בְּתַמּוּז הַרוּחוֹת מְשִׁיבוֹת אֶת נַפְשׁוֹ
אֶךְ בַּחֲרָף עוֹרוֹ מִתְבַּקֵּעַ מִקּוֹר.
בְּמִשְׁךְ שְׁמוֹנָה הַשָּׁנִים שְׁעֵבְרוּ
הַקְּרִיחַ רָאשׁוֹ כְּחֻלְקַת הַסֵּלַע.
אֲנִי רוֹאֶה אֶת עֵינָיו הַטְּרוּטוֹת
וּמֵרַב תִּמְהוֹן אֲנִי צוֹעֵקֵת.
וְהַכּוֹכָבִים רוֹתְחִים בְּמִצְלָה
וְהַלִּילָה גַם הֵם יִשְׁמִיעוּ קוֹלָם.

כְּמוֹ שׁוֹשְׁנָה צְהָבָה נִפְלְאָה
רְבִים לֹא יִשְׁיגוּ בְּרִיכָה אַחֲרֵת.
הַקְּרָפוּדִים, הֵם עוֹרִים מִלְרָאוֹת
אֶת חֲרָדַת לְבָבוֹ הָאִימָה.

מתוך ספר "תהום קורא"

מחבואים

יֵשׁ דְּבַר שְׁשֻׁכְחֵתִי
וְיֵשׁ דְּבַר שְׁאֲנִי עוֹד זּוֹכֵרֵת
יְלֻדוֹתִי פְּרָחָה עֵבְרָה לָהּ
וְאֲנִי נִשְׁאַרֵת.
גַּם יוֹנֵק הַדְּבֶשׁ פּוֹרַח

В ветках порхает,
Касаясь стропил,
И я засмотрелась.
Что там за дверью, что там за стеной
Притаилось?
Это память горы срывает с мест,
Одну об другую крошит.
Когда-то любила я статую
Итальянскую.

Когда я влюблена, я насыщена, словно
Облако грузом дождей –
Разражается ливнем.
Когда я влюблена,
Я похожа на всё,
Что может прийти человеку на ум.

Я спрашиваю,
Удивлённо глядя вокруг:
Что может случиться со мной,
Чего ещё не случилось?
Я подвешена выше облака
И не падаю,
Хотя крыльев нет у меня и клюв не отрос.
Однажды, когда я была влюблена,
Уже не ощущала –
Жара ли, мороз.

Бездна к бездне

В Иерусалиме настали для меня дни печальных роз.
Что такое Иерусалим, как не скопище разных кварталов?
Я попала в него маленькой, а потом спустя годы,
Странным существом.

מענף לענף
מקיסם אל קורה
ואני מסתפקלת.
דבר מה נמצא מאחורי הכתל
והדלת:
זכרון שעוקר הרים
וטוחנם זה בזה.
אהבתי פעם פסל
איטלקי.

כשאני מאהבת אני דחוסה כענן
עמוס גשמים,
מגיר מטר.
כשאני מאהבת
אני כל דבר
שיכול לעלות בדעת איש.

אני שואלת
בפנים תמהות:
מה יכול לקרות לי
שלא קרה לי עוד?
אני תלויה מעל ענן
מבלי לפל
בלי כנפים, בלי מקור.
פעם, כשהייתי מאהבת
כבר לא הרגשתי
חם או קר.

תהום אל תהום

בירושלים באו עלי ימי שושנים
מה זאת ירושלים אם לא שכונה ועוד שכונה
באתי אליה קטנה ובאתי אחרי שנים
כמו בריה משנה.

Была одинокой
В чужом доме.
Шарила глазами по горам:
Не придёт ли помощь.

הייתי לבדי
בבית לא שלי
עיני נשאתי להרים
לראות אם בא עזרי.

Облака протягивали к моим глазам руки,
Подо мной темнели кипарисы,
И вдруг с запада обрушился на меня
Странный солнечный свет.

עננים לעיני שלחו יד זה בזה
מתחתי הברושים הכהים רעשו
פתאם התנפל מקצוי מערב
שבר חמה תמהוני.

И залила меня морем печаль,
И пилила мозг стрекотаньем сверчка,
И как будто рой ос шевелился там
В опьянении тяжком моём

וגעגועי הציפוני כים
והיו מנסרים במחי כפרצר
והיו רוחשים בי כנחיל של צרעות
ברב שכרוני.

Как Рахель ²

כמו רחל

Умереть, как Рахель,
Когда душа трепещет подобно птице,
Стремится вырваться на свободу.

למות כמו רחל
כשהנפש רועדת כצפור
רוצה להמלט.

А снаружи шатра стояли испуганные Яаков и Йосеф
И говорили о ней с дрожью.
Все дни её жизни ворочаются в ней.
Как ребёнок, собирающийся родиться.

מעבר לאהל עמדו נבהלים יעקב ויוסף,
דברו בה רתת.
כל ימי חייה מתהפכים בה.
כתינוק הרוצה להולד.

Как тяжело.
Любовь Яакова пожрала её
Без остатка.
Сейчас, когда душа покидает её,

כמה קשה.
אהבת יעקב אכלה בה
בכל פה.
עכשו כשהנפש יוצאת

² Согласно ТОРЕ, одна из четырёх проматерей еврейского народа, Рахель, жена Яакова, умерла во время родов по дороге к Бейт-Лэxэму (Вифлеему)

Это уже безразлично.

Вдруг закричал ребёнок.

Яков вошёл в шатёр,

Но Рахель не чувствует этого.

Нега заливает её лицо,

Заливает её всю.

Глубокий покой опустился на неё.

Дыхание уже не поколеблет пера.

Положили её между камнями в горах.

И не оплакали.

Умереть, как Рахель,

Я хочу.

אין לה חפץ בכל זה.

לפתע צוח התינוק.

ובא יעקב אל האהל

אך רחל אינה מרגישה

עדנה שוטפת את פניה

וראשה.

מנוחה גדולה ירדה עליה.

נשמת אפה שוב לא תרעיד נוצה.

הניחו אותה בין אבני הרים

ולא הספידוה.

למות כמו רחל

אני רוצה.